

Владимир Фаворский

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ ЧЛЕНОВ МОСХА 25
МАРТА 1936 г.¹**

Прежде всего я должен сказать вам, что не ожидал, что повинен во всем формализме, являясь центром всего формализма. Думал, что мне придется прежде всего о себе беспокоиться, себя проверять, себя критиковать, проверять свои работы. И конечно, я отвожу обвинения в том, что являюсь центром всего формализма. Несомненно, формализм существует и несомненно с ним нужно бороться, несомненно, он очень сложный, а если я в какой-то мере виноват в этом деле, то нужно со мной об этом разговаривать конкретно.

То, что поднята дискуссия в газете «Правда», – это факт очень знаменательный и очень важный, и несомненно очень полезный. Надо думать, что в дальнейшем эта дискуссия пойдет все конкретнее, и те общие разговоры, с которых эта дискуссия началась, в конце концов будут разговорами о конкретных делах, о конкретных вещах. Я, со своей стороны, могу пожаловаться на то время, которое было до этой дискуссии. Я, по крайней мере, чувствую себя гораздо лучше, гораздо увереннее в том, что работа, которую я делаю, будет так или иначе оценена, так или иначе раскритикована, и раскритикована серьезнее, чем это было до сих пор.

Раньше получалось некоторое молчание вокруг меня. Что бы я ни делал – это как бы не смотрелось. Хотя бы те фрески, которыми я в ближайшее время был занят. Кто их видел? Только ближайшие мои товарищи. Я думаю, что президиум почти весь не видел. Ничего о них не напечатано, никто их не раскритиковал. Я слышал, что Бескин на совете Всекохудожника говорил, что вообще способ сграффито никуда не годный, не нужный, он скучный и т. Д. Я понимаю, что человек может иметь такое мнение. Но нужно все это осветить, разобрать. Может быть, я виноват в том, что сграффито Бескину не понравилось. Нужно выяснить, какие отрицательные темы могли не понравиться. Мне кажется, что в дальнейшем я могу ждать конкретной

критики, а не замалчивания и разговора в кулуарах. Это существенно не только относительно меня. Если мы возьмем Лебедева, то несомненно у него есть ошибки, но в то же время несомненно, что он замечательный художник, и нужно говорить о нем конкретно, о той или иной его вещи. Я надеюсь, что графики смогут в дальнейшем устроить детской классической современной книги, и уже там можно будет судить конкретно о тех недочетах, которые имеются у того же Лебедева... Понятность в искусстве сейчас является первым и основным требованием – тут можно говорить, что понятность нельзя сужать до элементарности. Я как художников должен открывать что-то, показывать, и если я не открываю, делаю то, что знает масса, то это не интересно.

В «Правде» в статье Кеменова был указан целый ряд формалистов, и, между прочим, Фаворский, который, как было сказано, в сущности, и хорош только тогда, когда отказывается от своих принципов. Я думаю, что это не совсем правильно. Мне в дальнейшем будет интересно услышать от тех, кто мне захочет сказать, где плохо и в чем. Но я не знаю таких своих вещей, в которых бы отказывался от своих принципов. Мне кажется, что метод, который я провожу, становится манерой, давал в результате схему. В иных случаях я дожимал этот метод, чтобы он становился действительно художественным методом, это дело сложное и трудное.

Мои вещи называют иконописными. Весьма возможно. И это упрек, который я считаю недостатком своих вещей. Но в то же время мне бы не хотелось как от культурного наследия отказываться от старой русской живописи, чтобы взять оттуда все живое и ценное.

Достоинство сегодняшней дискуссии, по сравнению с прежними, в том, что здесь критикуются не только формалисты, но и натуралисты. Борьба идет против натурализма и формализма. Это несомненно должно двинуть искусство вперед и дать ему правильную линию. Относительно формализма нужно и в дальнейшем говорить конкретно, потому что формализм может быть разный... Здесь, очевидно, нужно много еще каких-то терминов, с

которыми нужно подходить к недостаткам некоторых художников. Я думаю, что, может быть, нужно подойти отдельно к живописи с натуры и к композиции. Потому что практически (я по крайней мере) это на себе чувствую. Работа с натуры для меня проще, чем композиция. В вопросе композиции возникает целый ряд трудностей, где я не так легко становлюсь художником, где мне нужно многое и многое в помощь... Тогда как какой-нибудь рисунок, портрет я вижу, вдохновляюсь натурой и делаю ее. И такой мой рисунок вряд ли кто может обвинить в формализме и натурализме.

Когда говорят о формализме и натурализме, мне иногда кажется, может быть это и тонкость, что, в сущности, говорят о форме те, которые считают ее только средством, но не относятся к ней с достаточным уважением. Когда же говорят о натурализме, то говорят не о форме, а о содержании, т.е. о том, что не выбрал тему или холодно ее преподнес и т.д. Мне кажется, что важно и существенно говорить о тематичности самого натуралистического метода. Точно так же и формалистического метода.

Вот сейчас будет ставиться вопрос о школе, и совершенно ясно, что формалистических методов в школе не должно быть. А натурализм там может существовать или нет? И вот тут-то мы от многих часто слышим: когда натуралист преодолеет себя и перейдет к содержанию, то он будет уже художник. Это неправильно. Мне кажется, натурализма и формализма не должно быть в школе. А если мы возьмем выставку Академии, то в целом ряде мастерских, которые там представлены, мы видим такой натурализм, который никакой пользы не принесет.

Относительно главного моего недостатка: я считаю, что с трудом подхожу, вернее срываюсь на современных темах. Я не дожимаю их до конкретности. Вот как я понимаю главный свой недочет, и в дальнейшем это и мне будет видеться моей работой. Конечно, трудно в этом смысле мне идти. Я уже указывал относительно композиции и работы с натуры. Но я не вижу почти или мало вижу таких композиций, у которых бы мне хотелось учиться.

Сейчас я делаю в вахтанговском техникуме фрески, и мне нужно зрителей там делать, и это должны быть сегодняшние люди. Что у меня выйдет – это еще вопрос. Это дело, которое будут критиковать, и я прошу именно критиковать. Вот и все.

ⁱ Цит. по: Владимир Андреевич Фаворский. Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений / Сост. и примеч. Г. А. Загянской и Е. С. Левитиной. М.: Книга. С. 230–232. Фаворский Владимир Андреевич (1886–1964) — график, иллюстратор, сценограф и искусствовед. С 1930 преподавал в московских вузах.